ВОЙНА

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 25 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 30 К.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 42 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ 1916 13 ОКТЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

ИГРА ВЪ ЖМУРКИ СО СПЕКУЛЯНТАМИ.

Ѳемида: — Что значитъ — завязанные глаза! Всегда поймаешь не того, кого нужно!..

Рис. Миссъ.

АББАТЪ.

1.

О, спутникъ вѣчнаго романа —
Аббатъ Флобера и Золя:
Отъ зноя рыжая сутана
И шляпы круглыя поля;
Онъ все еще проходитъ мимо
Въ туманѣ полдня вдоль межи,
Влача остатокъ власти Рима
Среди колосьевъ спѣлой ржи.

2.

Храня молчанье и приличье,
Онъ долженъ съ нами пить и ѣсть
И прятать въ свѣтское обличье
Сіяющей тонзуры честь;
Онъ Цицерона на перинѣ
Читаетъ, отходя ко сну —
Такъ птицы на своей латыни
Молились Богу въ старину.

3.

Я поклонился — онъ отвѣтилъ
Кивкомъ учтивымъ головы
И, говоря со мной, замѣтилъ:
«Католикомъ умрете вы!»
Потомъ вздохнулъ: «Какъ нынче жарко!»
И разговоромъ утомленъ
Направился къ калиткамъ парка
Въ тотъ замокъ, гдѣ обѣдалъ онъ.

4.

Перемѣнилось все земное,
И лишь не сбросила земля
Сутану римскаго покроя
И ваше золото, поля;
И самый скромный современникъ,
Какъ жаворонокъ, Жаммъ поетъ:
Вѣдь католическій священникъ
Ему совѣты подаетъ!

О. Мандельштамъ.

ВИЛЛИ НОЗДРЕВЪ И МИХЕЛЬ ЧИЧИКОВЪ.

(Опытъ параллельнаго изслѣдованія.)

Гоголевскій Ноздревъ былъ человѣкъ совершенно безкорыстный... Если онъ вралъ, такъ вралъ безо всякой для себя пользы. Находило вдохновеніе — онъ и вралъ. Вѣдь не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, ни отъ кого имѣть прибытку, разсказавши вдругъ, что была у него лошадь голубой или розовой шерсти; или что канатный плясунъ Фенарди четыре часа вертѣлся мельницей...

Ему за это не только не давали денегъ, а, наоборотъ, отходили, пожавъ плечами: «Ну, братъ, ты уже, кажется, началъ пули лить».

* * *

Если какое-либо наше растеніе мы встрѣтимъ на чужой сторонѣ, то сразу же замѣчаемъ, что растеніе приняло нѣкоторыя характерныя для той стороны особенности...

Нашъ добрый, безкорыстный Ноздревъ, перенесенный на нѣмецкую почву, пріобрѣтаетъ новую весьма замѣтную особенность: вретъ онъ съ хитрецой, съ корыстной цѣлью, чтобы, навравши съ три короба, накрыть слушателя сразу, какъ говорится, мокрымъ рядномъ, а тамъ ужъ его и облапошить.

Нѣмецкій Чичиковъ, тутъ же, около Ноздрева. Это добрый нѣмецкій бюргеръ, очень ласковый, очень любящій своего вѣнценоснаго Ноздрева, но парень все же прижимистый, себѣ на умѣ, кремень и скалдырникъ.

И даже Мижуевъ тутъ же переминается съ ноги на ногу: унылый, скептическій нейтралистъ, увязавшійся, Богъ его знаетъ почему, за шумливымъ, драчливымъ Ноздревымъ.

Топчутся всѣ они другъ около друга, не довѣряя одинъ другому, наблюдая одинъ за другимъ. Практическій Чичиковъ давно уже замѣтилъ, что у его повелителя Ноздрева одна бакенбарда меньше другой да и корона замѣтно поизмялась.

Но бодрится Ноздревъ, дѣлаетъ веселое лицо и то-и-дѣло заводитъ, будто ничего не значащій разговоръ...

Ноздревъ. — А я вчера десять тысячъ французовъ въ плѣнъ взялъ.

Мижуевъ. — Десяти тысячъ ты взять не могъ. Ты даже и одной не взялъ.

Ноздревъ. — Ей Богу, взялъ десять тысячъ.

Мижуевъ. — Ты себѣ можешь божиться сколько хочешь.

Ноздревъ. — Ну, хочешь побьемся объ закладъ? Не хочешь? А вотъ это поле видите? Это мое поле. Здѣсь раньше стояли русскіе. То-есть, повѣрите, русаковъ этихъ была такая гибель, что земли не видно; я самъ своими руками поймалъ одного русака за ногу.

Мижуевъ. Ну, русака не поймаешь рукою.

Ноздревъ. — А вотъ же поймалъ, какъ честный человѣкъ, поймалъ. Ну, хочешь побьемся объ закладъ: я поставлю облигаціи послѣдняго германскаго займа, а ты свою пшеницу.

Мижуевъ. — Зачѣмъ же мнѣ твой заемъ? Онъ мнѣ не нуженъ.

Ноздревъ. — Ага! Испугался. Да быть бы тебѣ безъ пшеницы, какъ безъ ушей. А теперь я вамъ покажу границу, гдѣ оканчивается моя земля. Вотъ видишь, Чичиковъ: все, что ни видно по эту сторону — все это мое и даже по ту сторону, весь этотъ лѣсъ, который вонъ синѣетъ, и все, что за лѣсомъ — все мое.

Мижуевъ. — Да когда же этотъ лѣсъ сдѣлался твоимъ. Развѣ ты недавно завоевалъ его? Вѣдь онъ не былъ твой?

Ноздревъ (запахиваясь въ порфиру). — Да я завоевалъ его на-дняхъ. И дорого, чортъ возьми, стоило.

Мижуевъ. — Да вѣдь ты былъ въ то время на французскомъ фронтѣ?

Ноздревъ. — Эхъ ты, Софронъ! Развѣ нельзя въ одно время быть и на французскомъ фронтѣ и завоевать землю тутъ? Ну, я былъ у французовъ, а Гинденбургъ завоевалъ мнѣ тутъ.

Мижуевъ (сомнительно). — Да, ну развѣ Гинденбургъ.

Ноздревъ. — Теперь ты видишь, Чичиковъ, какъ у меня хороши дѣла. Мой тебѣ совѣтъ — покупай заемъ!

Чичиковъ. — Да зачѣмъ же мнѣ заемъ? Мнѣ не нужно.

Ноздревъ. — Какъ не нужно? Я тебѣ отдамъ его совсѣмъ за полцѣны. Мнѣ онъ стоитъ тысяча марокъ за облигацію, а я тебѣ по шестьсотъ отдамъ.

Чичиковъ. — Да нѣтъ, не нуженъ мнѣ никакой заемъ...

Ноздревъ. — Ты не понимаешь, чудакъ: вѣдь я съ тебя возьму сейчасъ всего пятьдесятъ процентовъ, а остальные ты заплатишь мнѣ послѣ.

Чичиковъ. — Нѣтъ; заемъ твой мнѣ, право, не нуженъ

Рис. Ре-ми.

I. АѲИНСКІЯ НОЧИ.

(Тьма непроглядная.)

II. АѲИНСКОЕ УТРО.

(Свѣтаетъ.)

Ноздревъ. — Ты его можешь продать, чудакъ. Тебѣ на любой биржѣ дадутъ за него втрое больше.

Чичиковъ. — Такъ лучше ты его самъ продай на биржѣ, когда увѣренъ, что выиграешь втрое.

Ноздревъ. — Я знаю, что выиграю, но мнѣ хочется чтобы и мой возлюбленный нѣмецкій народъ получилъ выгоду. Вѣдь не давать же зарабатывать только этому ветюку (указываетъ на нейтралиста Мижуева). Послушай, Мижуевъ, ну, хочешь, сдѣлаемъ съ тобой такъ: ты мнѣ изъ своей страны пришли бензину и жировъ, а я тебѣ дамъ облигаціи военнаго займа и шараманку. Ты послушай, какъ она играетъ: «Мальбругъ въ походъ собрался».

Мижуевъ. — Ну, на что мнѣ шарманка, посуди самъ? Что я нѣмецъ, что ли, чтобы таскаться съ ней по дорогамъ и выпрашивать деньги?

Ноздревъ. — Ну, хочешь я тебѣ дамъ часть Добруджи, кусокъ Албаніи и военный заемъ. А ты мнѣ пшеницу и немного мѣди.

Мижуевъ. — Да зачѣмъ мнѣ Албанія, только возня съ ней.

Ноздревъ. — Да вѣдь ты пойми — не одна Албанія! Въ это входитъ и шарманка, и Добруджа и военный заемъ! Вѣдь заемъ — то же золото. Вѣдь я каждый день одерживаю такія побѣды, что поручикъ Кувшинниковъ прямо говоритъ мнѣ: «Ты, говоритъ, Ноздревъ, такой подлецъ, такой подлецъ, право...» ей Богу! Вчера девяносто семь тысячъ однихъ плѣнныхъ взялъ, какъ честный человѣкъ! Спроси у Вольфа. Все агентство только объ этомъ и говоритъ!!

Чичиковъ (скептически). — Ну, твой Вольфъ...

Мижуевъ.—Зачѣмъ же у Вольфа спрашивать?.. (Длинная пауза).

Ноздревъ. — У меня вѣдь и союзники есть. Такая парочка подобралась. — просто морозъ по кожѣ подираетъ. Грудастыя, съ усами, шерсть стоитъ вверхъ, какъ щетина. Плѣнный попадетъ — въ куски!!! Я бы ихъ дешево уступилъ...

(Пауза.)

Ноздревъ (печально).—А то, братцы, есть у меня крымская сука... Еще крымскую войну помнитъ. Живетъ въ Шенбрунѣ. Еще года два-три—была очень хорошая сука. Теперь слѣпая. Не хотите ли? (Со слезами.) Я бы ее даромъ отдалъ. Въ подарокъ; (пауза) приплатилъ бы, если бъ какой-нибудь дуракъ взялъ!! (Плачетъ, утирая слезы-краемъ затрепанной порфиры... Чичиковъ и Мижуевъ, хладнокровно отвернувшись, молчатъ).

* * *

Идетъ, идетъ неумолимое время, надвигается что-то, и все рѣдѣютъ и рѣдѣютъ знаменитыя бакенбарды вѣнценоснаго Ноздрева.

Близится, близится дѣло къ расчету . . . . .

. . . . . .

Арк. Ав.

ТРЕВОЖНОЕ УТРО.

Мнѣ снится въ заплаканныхъ зоряхъ,
Въ сырой нищетѣ октября
Тревожное утро у моря,
Досчатый заборъ пустыря.
Изъ черныхъ рѣшетчатыхъ башенъ
Струилась разсвѣтная гарь,
Синѣлъ на зарѣ, не погашенъ,
На каменной стѣнкѣ фонарь.
А съ моря протяжно кричали,
И женщины въ бѣлыхъ платкахъ,
Въ одеждахъ изъ черной печали
Въ прибрежныхъ бѣжали пескахъ.
За желтой полоскою мели
Въ волнахъ исчезала корма,
И съ вѣтромъ на берегъ летѣли
Послѣдніе звуки псалма.

Семенъ Кесельманъ.

КАКЪ ОНЪ ЖЕНИЛСЯ.

— Почему вы не женитесь? — спросили Пенскаго.

Онъ засмѣялся.

— Господи, да я же женюсь. Я скоро возьму себѣ жену.

— Чужую? — спросилъ кто-то.

— Да.

Всѣ засмѣялись.

— Возьмите меня!.. — попросила хорошенькая Фанни Львовна.

— Возьми, возьми ме-е-еня!.. — запѣла Цвиринчинская.

— Я возьму Ольгу Николаевну.

Ольга Николаевна засмѣялась и сказала:

— Мерси.

— Почему ее? — спросили.

— Потому, что мы любимъ другъ друга.

Мужъ Ольги Николаевны захохоталъ:

— Шутникъ вы, Борисъ Сергѣевичъ!..

Когда одѣвались въ передней, Пенскій спросилъ:

— Сколько вы заплатили за вѣшалку?

— Не помню, — отвѣтилъ хозяинъ. — А что?

— Да я приглядываюсь къ мебели. Хочу квартиру завести. Пора.

— Значитъ, вы таки женитесь? — спросила мадамъ Ноткина.

— Таки женюсь.

— На комъ?

— На Ольгѣ Николаевнѣ.

— Что вы у меня жену отбиваете!.. — сказалъ со смѣхомъ мужъ Ольги Николаевны.

Пенскій ничего не отвѣтилъ.

Пенскій и Ольга Николаевна видѣлись у знакомыхъ, въ театрѣ, на выставкѣ... Условившись по телефону, они встрѣчались на улицѣ и гуляли вмѣстѣ. Пенскій привыкъ къ Ольгѣ Николаевнѣ и скучалъ, если долго не видѣлъ ея. Онъ часто говорилъ ей, шутя:

— Я люблю васъ. Вы единственная женщина, къ которой меня влечетъ. Вы моя радость.

Ольга Николаевна смѣялась. Но однажды она сказала

Пенскому, что ей непріятны эти шутки. Онъ смутился, умолялъ простить его и вдругъ поцѣловалъ ей руку. Въ эту ночь она плакала...

Гуляя какъ-то съ Ольгой Николаевной, Пенскій попросилъ ее осмотрѣть квартиру, которую онъ нанялъ. Ольга Николаевна согласилась. Они, смѣясь, обошли пустыя комнаты. Квартира ей очень понравилась. Съ этого дня, гуляя, они стали заходить въ магазины: покупали мебель, посуду для квартиры. Онъ совѣтовался съ ней о всякой мелочи. И имъ было весело...

Разъ вечеромъ они зашли съ прогулки къ ней. Ихъ встрѣтилъ мужъ.

— Гдѣ это вы были, миленькіе? — весело спросилъ онъ.

— Вѣшалку сейчасъ купили, — отвѣтилъ Пенскій. — Теперь, слава Богу, все готово. Хоть вѣнчайся...

— Поздравляю, поздравляю!.. — сказалъ мужъ. — Что же вы прячете невѣсту? Показали бы ее намъ. Не бойтесь, не отобьемъ...

— Вотъ моя невѣста! — указалъ Пенскій на Ольгу Николаевну.

Мужъ захохоталъ.

— Вы неисправимый шутникъ. Прямо горе съ вами. Ну, давайте пить чай. Чудовищная жажда...

Послѣ чая мужъ ушелъ въ кабинетъ, а Пенскій съ Ольгой Николаевной сѣли на диванъ въ столовой. Ольга Николаевна была печальна, Пенскій улыбался и былъ слегка взволнованъ.

— Ну-съ, квартира готова, — сказалъ Пенскій. — Идите ко мнѣ!..

Ольга Николаевна взглянула на него съ удивленіемъ. Онъ засмѣялся.

— Милое дитя, чему вы удивляетесь? Все такъ ясно: вы любите меня, я — васъ. Идите ко мнѣ! Въ такихъ случаяхъ чѣмъ короче, тѣмъ лучше...

Она положила голову ему на грудь и заплакала. Онъ, молча, цѣловалъ ея руки.

Черезъ недѣлю Ольга Николаевна переѣхала къ Пенскому.

Было объясненіе съ мужемъ: мужъ былъ возбужденъ, много говорилъ; Пенскій — спокоенъ, говорилъ мало. И мужу, и знакомымъ Пенскій кратко повторялъ:

— Я же не скрывалъ, я давно говорилъ, что женюсь на Ольгѣ Николаевнѣ.

— Это цинично... — отвѣчали ему.

И передъ ними закрылись всѣ двери.

Пенскій и Ольга Николаевна сидѣли въ сумеркахъ въ своей квартирѣ. Ольга Николаевна плакала.

— Боже мой, какіе злые люди, жестокіе... Отъ меня отвернулись лучшіе мои друзья. Что я сдѣлала дурного, что?..

— Они даже не злые. Они просто скучные, неумные люди. И такъ хорошо, что они отвернулись отъ насъ. Пріятно не видѣть эти вялыя лица. Вѣдь самое скучное въ жизни — это знакомые. Они приходятъ въ домъ, говорятъ, ѣдятъ... Зачѣмъ? Я никогда не понималъ этого. Мы съ тобой переживаемъ сейчасъ счастье... И какъ хорошо, что намъ никто не мѣшаетъ. А знакомые еще будутъ, новые... Знакомые — какъ клопы: заводятся непостижимо легко и неожиданно. Не горюй же, моя ласточка, клопы быстро заведутся... — Пенскій засмѣялся и нѣжно обнялъ жену. — Смотри, луна...

Ольга Николаевна подняла заплаканное личико, взглянула въ окно и улыбнулась.

— Какая тишина! — сказалъ Пенскій. — Не зазвонятъ—ни телефонъ, ни звонокъ на парадной. Никто не придетъ теперь къ намъ, циникамъ, — засмѣялся онъ. — Ахъ, какъ хорошо, чудесно безъ знакомыхъ!..

В. Черній.

КОГДА ПОЮТЪ ЦЫГАНЕ.

Поютъ цыгане.
Ихъ дымныя пѣсни
Чудеснѣй,
Чѣмъ глаза цыганки той, крайней,
Той, что въ оранжевой шали.
Поютъ цыгане,
Ихъ пѣсни смѣшали
Синій дымъ отъ сигаръ
Съ золотомъ отъ вина.
Ночь пѣсней цыганской хмѣльна.
Я слушаю пѣсню и вижу кого-то
Блѣднаго, въ черномъ. Онъ стоитъ у колонны,
У плоской колонны, безъ позолоты.
Я слушаю пѣсню — для иныхъ монотонную,
А мнѣ говорящую о страстной боли,
О скованномъ сердцѣ, о скованной волѣ
Того, кто стоитъ тамъ, у колонны.
Онъ стоитъ у колонны и смотритъ на даму.
Она въ сѣромъ костюмѣ, съ гвоздикой въ петлицѣ,
И думаетъ онъ: «...Бѣлаго храма,
Древняго храма — жрица...»
Я слушаю пѣсню и вижу даму
Съ красной гвоздикой въ петлицѣ лѣвой,
И думаю о томъ, что онъ — сынъ Адама,
А она — дочь соблазненной Евы.
Какъ онъ блѣденъ, тотъ у колонны!
Онъ умретъ, онъ глубоко раненъ,
И никто не услышитъ даже стона.
Поютъ цыгане.

Лидія Лѣсная.

ИЗЪ БУКЕТА АНЕКДОТОВЪ.

Ночью къ Ротшильду въ окно стучитъ старый оборванный еврей...

Сонный Ротшильдъ вскакиваетъ съ постели и, распахнувъ окно, кричитъ:

— Что нужно?

— Дайте на хлѣбъ бѣдному человѣку.

Ротшильдъ съ досадой бросаетъ ему золотой и сердито говоритъ:

— Тоже ты, чортъ тебя возьми, нашелъ время просить милостыню!!

— Послушайте, господинъ Ротшильдъ! — разсудительно отвѣтилъ еврей, — я же не учу васъ, какъ дѣлать милліоны. Такъ и вы не учите меня, какъ просить милостыню!..

Рис. В. Л

ОЧЕРЕДЬ НА ВСЕ.

1-й господинъ на заднемъ планѣ второму: — Что это за очередь?

2-й: — На нищаго. Подаютъ.

„Въ Петроградскихъ холодильникахъ разложилось и погибло 15000 пудовъ рыбы, закупленной городомъ. Рыбу рѣшено похоронить...“ *(Изъ газетъ.)*

КОРОТНЕВЪ. ЕЛИЗАРОВЪ. ПЛЕТНЕРЪ. ЛЕВЪ. ХУДЯКОВЪ. ПУЗЫРЕВЪ. ДЕМКИНЪ.

КАКЪ ПОЛАГАЕТСЯ.

Прохожій: — Скажите, кого это хоронятъ?

Сатириконъ: — Рыбу это хоронятъ. 15000 пудовъ.

— Скажите, и рѣчи на похоронахъ будутъ?

— Да; сначала прокуроръ будетъ говорить, потомъ — адвокаты.

ДО ВОСТРЕБОВАНІЯ.

Къ завѣтному оконцу
Она подходитъ прямо.
На ней костюмъ весенній,
На шляпѣ алый бантъ.
Здѣсь скучно даже солнцу
Чертить лучомъ упрямо
На стѣнахъ, въ помѣщеньи
Для писемъ: «poste restante».

Чиновникъ у барьера,
Худой, костлявѣй смерти,
Готовитъ ей заранѣ
Убійственный отвѣтъ:
Онъ знаетъ — надпись «Вѣра»
На розовомъ конвертѣ,
Изъ города Казани...
— Сегодня тоже нѣтъ.

И набѣжали тучи
На личико уныло.
На душу безсердечно
Сомнѣнья пала тѣнь.
Ахъ, если бъ «завтра» лучше
Скорѣе наступило...
Но будетъ безконечно
Тянуться этотъ день...

Ушла походкой зыбкой.
Мелькнулъ знакомый профиль,
Тамъ, гдѣ растетъ крыжовникъ,
За пасмурнымъ окномъ.
И думаетъ съ улыбкой
Почтовый Мефистофель:
— Покинулъ, знать, любовникъ,
Ну, что жъ, и подѣломъ!

Жакъ Нуаръ.

Отъ редакціи.

По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ первая премія журнала **„Десять лѣтъ русской конституціи“** не можетъ быть дана подписчикамъ.

Взамѣнъ этого — во вторую премію: **Вѣстникъ знанія „Новаго Сатирикона“** включаются два новыхъ отдѣла:

1) **Хиромантія.**
2) **Графологія.**

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Вкусно. Сытно. Недорого.

Нѣмцы голодали-голодали, и, наконецъ, выпустили на рынокъ рыбку, которая можетъ много народу прокормить.

Эта та самая рыбка, которая, въ свое время, проглотила пророка Іону:

На берлинскихъ рынкахъ появилось китовое мясо, продаваемое по двѣ съ половиною марки за фунтъ. Эта новая нѣмецкая пища такого отвратительнаго вкуса, что по словамъ одной нѣмецкой газеты „кажется, будто жуешь сапоги, смазанные тошнотворною ворванью“

Раньше въ гастрономическомъ меню фигурировалъ только одинъ сортъ сапоговъ — въ смятку.

Теперь, очевидно, берлинскіе кулинары открыли новую эру въ примѣненіи этой обуви для наполненія съежившихся нѣмецкихъ желудковъ.

Освѣженіе языка.

Любимое нѣмецкое слово:

— Колоссаль!

И киты у нихъ идутъ на мясо, потому, что китъ — колоссаль!

И новосочиненныя ими слова прельщаютъ ихъ только потому, что по длинѣ каждое такое слово равняется небольшому киту.

Копенгагенскія газеты сообщаютъ:

Движимые патріотическимъ чувствомъ, нѣмцы выбрасываютъ изъ своего обихода всѣ французскія и англійскія слова и тщатся замѣнить ихъ нѣмецкими.

Вмѣсто слова крикетъ они говорятъ:
— Dreistäbenschlagerspiel.
Вмѣсто слова гольфъ:
— Löcherballspiel.
Вмѣсто слова starter:
— Hauptabgangsstelleaufsichtsvorsteher.

Иллюстрація къ этому:

— Почему тотъ господинъ такъ долго разговаривалъ съ тобой?

— А онъ только сказалъ мнѣ, какъ по-нѣмецки слово „стартеръ“.

Добрая мать.

Собственно это не справедливо: мы нападаемъ на нѣмцевъ, смѣемся надъ ними, а они заботятся о насъ, хотятъ чтобы намъ было какъ можно лучше...

Вотъ какую проповѣдь произнесъ, по свидѣтельству „Vorwärts“, профессоръ богословія въ берлинскомъ университетѣ, докторъ Рейнольдъ Зеебергъ:

„Христосъ сказалъ: любите враговъ вашихъ. И мы, нѣмцы, остались вѣрны Его заповѣди. Мы любимъ нашихъ враговъ всей душой. Но наша любовь проявляется именно въ томъ, что мы убиваемъ ихъ, причиняемъ имъ боль и страданіе, вторгаемся въ ихъ земли, въ ихъ дома. Германія любитъ другіе народы и именно потому, ради ихъ же собственной пользы, такъ больно бичуетъ ихъ“.

Дѣйствительно, не цѣнимъ мы заботъ о насъ доброй матери — Германіи...

А оцѣнимъ — возьмемъ добрую мать-Германію и ласково вздернемъ на первомъ же деревѣ:

— Это тебѣ, матушка, за заботы о насъ и за великую любовь твою...

Жестъ.

Есть такіе чистильщики сапогъ, которые для приманки клiентовъ въ свободное время усердно чистятъ сами себѣ сапоги:

„Берлинскія газеты сообщаютъ, что жена кайзера распорядилась, чтобы всѣ золотыя оправы бриллiантовыхъ драгоцѣнностей, принадлежащихъ ей и дворцу, были обращены въ слитки и отданы на монетный дворъ. На слѣдуемыя за нихъ деньги, кайзерина покупаетъ бумаги пятаго нѣмецкаго займа.

Слѣдующій за тѣмъ этапъ — вытащить у себя, у мужа и дѣтей золотыя пломбы изъ зубовъ, а затѣмъ остается послѣдній этапъ: просто положить зубы на полку.

Dura lex.

У Щедринскаго градоправителя, издавшаго указъ „о добропорядочномъ печеніи пироговъ“, оказался внучатый племянникъ, удавшійся въ своего дядю:

Маріупольскій исправникъ издалъ постановленіе, обѣщая преслѣдовать со всею строгостью закона хозяекъ, которыя закупаютъ мясо на два дня и, такимъ образомъ, ѣдятъего и въ дни мясопустные.

— Почему мясо осталось на мясопустный день, такіе-сякіе?! А?

— Да не доѣли мы. Вечеромъ и то пробовали доѣсть — не лѣзетъ.

— Не лѣзетъ? Вотъ ты у меня поговори! Лопни, а доѣшь!

И вошелъ въ силу новый маріупольскій законъ, „новелла“ умнаго исправника: „Въ понедѣльникъ безъ пяти двѣнадцать ночи — можешь ѣсть мясо, сколько влѣзетъ, а черезъ десять минутъ, когда время перевалитъ на вторникъ — пожалуйте въ тюрьму“...

Русскіе благодѣтели.

Что касается насъ — такъ намъ больше нравится астраханская полиція:

Астрахань. За послѣдніе дни продажа муки изъ базарныхъ лавокъ производится лично чинами полиціи.

Во многихъ лавкахъ чины полиціи уже распродали всѣ имѣвшіеся запасы муки.

Эта оригинальная мѣра вызвана тѣмъ, что торговцы, недовольные установленными таксой цѣнами на муку, не желали продавать муку по этимъ цѣнамъ и чинили всякія затрудненія при попыткахъ жителей покупать муку по таксѣ.

Это вѣдь, кажется, про полицію сказано:

Того согрѣй,
Тѣмъ свѣту дай
И всѣхъ, притомъ,
Благословляй...

Человѣческій разговоръ.

Нѣмцы иногда ни съ того ни съ сего начинаютъ говорить человѣческимъ языкомъ...

„Берлинеръ Тагеблатъ“ цитируетъ любопытное письмо прибывшаго въ отпускъ офицера, рисующее истинное настроеніе въ арміи.

„Чего гогочутъ эти господа, — восклицаетъ офицеръ, — никогда не видавшіе голода, страданій, ужасовъ атакъ и ураганнаго огня. Чего кричатъ эти профессора, отставные министры, промышленные бароны насчетъ „позорнаго мира“. Пусть они замолчатъ лучше. Пусть поймутъ, что за ихъ гоготаніе расплачиваемся мы, солдаты, своею кровью, ибо требованія этихъ господъ лишь усиливаютъ упорное сопротивленіе враговъ.

Нынѣ на востокѣ и на западѣ наши позиціи штурмуются съ такой силой, о какой эти всезнайки не способны даже и составить себѣ представленіе. Мы защищаемся, сколько это въ нашихъ силахъ и безъ многихъ словъ. Но умирать вовсе не такъ легко, какъ думаютъ эти сіятельные политиканы“.

„Вопросъ о позорномъ мирѣ, — заканчиваетъ негодующій авторъ письма, — рѣшается нами въ окопахъ, а не въ комфортабельныхъ кабинетахъ Сначала нужно еще бороться и побѣдить. Пока же лучше держать языкъ за зубами“.

И главное — пока они не выбиты.

Съ кольцомъ въ ноздрѣ.

Любопытно было бы взглянуть въ лицо человѣка, сочиняющаго заглавіе кинематографическихъ картинъ: имѣется ли на этомъ лицѣ отпечатокъ идіотизма или это — простое, обыкновенное тупое лицо...

На смѣну „Пучинамъ порока“, „Сѣтямъ злыхъ силъ“ и „Дьявольскимъ чарамъ“ пришли новыя заглавія, отъ чтенія которыхъ волосы становятся дыбомъ и затѣмъ тихо, безшумно выпадаютъ.

Напримѣръ:

1) „А защищалъ ее Ф. И. Плевако“,

2) „Не подходите къ ней съ вопросами, вамъ все равно, а ей довольно“.

3) „Антоша ухаживаетъ за порядочными женщинами“.

Работа дикарей — для дикарей же.

Въ московскомъ фарсѣ „Эрмитажъ“ поставлена пьеса подъ краткимъ, но сильнымъ заглавіемъ:

„Гортензія сказала: наплевать“.

Наплевать такъ наплевать.

Мы и плюемъ.

Рис. Н. Р.

МИЛЫЙ РЕБЕНОКЪ.

Учитель: — Сколько тебѣ лѣтъ?

Ученикъ: — Ахъ, г. учитель! Мужчинѣ столько лѣтъ, сколько ему кажется.

НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ.

Тучами, какъ сѣрой паутиной,
Обвита съ утра земная глушь.
Хлопотливой музыки пчелиной
Не слыхать въ саду межъ старыхъ грушъ.
Глухо каркаютъ вдали вороны.
Мелкій дождь стихалъ и сѣетъ вновь.
Отряхаютъ карминъ свой піоны,
Словно льютъ изъ вскрытой вены кровь.
Но въ раздумьи на скамьѣ подъ грушей
Что за прелесть грезить въ этотъ часъ!
Навострилъ лопухъ большія уши,
Словно слушаетъ и видитъ васъ.
Весь въ слезахъ онъ, этотъ гномъ зеленый;
Сѣетъ дождь, піонъ роняетъ цвѣтъ.
А душа въ васъ бьется умиленно —
Изъ-за тучъ ей солнце шлетъ привѣтъ.
Ей не страшны сумерки паучьи
И на яблоняхъ червей мотки, —
Будетъ вёдро, вскормятъ завязь сучья,
Будетъ время ласковой руки.

Алексѣй Липецкій.

М И Ш А.

Разсказъ.

Это былъ худенькій, большеголовый мальчикъ, съ сердцемъ истиннаго, хотя и нѣсколько своеобразнаго, подвижника.

Жилъ онъ съ отцомъ своимъ, Павломъ Игнатьевичемъ Аверьяновымъ, въ маленькой, помѣщавшейся въ шестомъ этажѣ, квартиркѣ, довольно уютной зимой и нестерпимо душной лѣтомъ. И когда пришлось ему, впервые за его короткую жизнь, проводить лѣто въ городѣ, онъ совсѣмъ загрустилъ: сидѣлъ цѣлыми днями на подоконникѣ, посматривалъ внизъ на суету улицы и старался забыть о томъ, что есть гдѣ-то поля и лѣсъ, а можетъ быть даже и звенящая, сверкающая на солнцѣ рѣчушка...

Но въ одинъ іюньскій, лѣниво угасающій вечеръ пришло отъ брата Павла Игнатьевича запоздалое согласіе пріютить на лѣто племянника. И ровно черезъ сутки Миша, взволнованный и запыленный, заботливо придерживая потертый чемоданчикъ и поминутно тревожно вытягивая тонкую шею, подъѣзжалъ къ великолѣпной дачѣ мало знакомаго дяди...

Николай Игнатьевичъ не готовилъ племяннику привѣтливой встрѣчи. Онъ сидѣлъ на верандѣ, куталъ ноги пледомъ и брюзжалъ:

— Удивительная безцеремонность: видимся разъ въ годъ, родственныхъ чувствъ никакихъ, а чуть услуга понадобится — сейчасъ же: ахъ, братъ, ахъ, дядя!.. И что у насъ будетъ дѣлать этотъ мальчишка? Я его не знаю совсѣмъ. Еще пріѣдетъ хулиганъ какой-нибудь...

Жена Николая Игнатьевича, Нина Петровна и частый гость ихъ, художникъ Викентьевъ, старались не слушать назойливаго брюзжанія.

Она, сидя на широкомъ выступѣ лѣстницы, вглядывалась въ розовѣющія тающія дали, а онъ, примостившись на нижней ступенькѣ, набрасывалъ въ альбомъ профиль молодой женщины и волосы ея, развѣваемые изрѣдка теплымъ, душистымъ вѣтромъ.

Аверьяновъ подозрительно оглядѣлъ молчавшихъ:

— Вообще родня — это зло. Особенно бѣдная родня. Можно мириться съ женой-безприданницей, но съ толпой требовательной бѣдноты, которую она неизбѣжно приводитъ за собой, мириться трудно.

Нина Петровна вспыхнула и обернулась, но мужъ не далъ ей возразить:

— Позвольте, Нина Петровна, я знаю, что Миша сынъ моего брата, но если меня тяготитъ просьба пріютить его на лѣто, то потому, что я уже утомленъ просьбами вашей родни. Да-съ... А вотъ и этотъ подозрительный юноша... Однако, братъ поторопился!

Появленіе Миши нѣсколько разрядило напряженность атмосферы.

Дядя, кисло поджавъ губы, протянулъ племяннику два пальца, а Нина Петровна поцѣловала его въ щеку теплыми, ласковыми губами и повела въ приготовленную заранѣе комнатушку:

— Устраивайся, Мишукъ, разбери вещи. Черезъ полчаса ужинъ...

Къ ужину Миша вышелъ въ чистенькомъ костюмчикѣ, вымытый, приглаженный. Пряменько усѣлся на указанный ему Ниной Петровной стулъ.

Николай Игнатьевичъ брезгливо оглядѣлъ племянника, отвернулся къ Викентьеву и забрюзжалъ:

— Сторожъ, подумайте, недавно только нанялъ его, половину жалованья впередъ выдалъ, облагодѣтельствовалъ, а онъ буянить вздумалъ: вчера съ кучеромъ подрался, а сегодня нищему-старику ни за что, ни про что въ морду далъ...

Онъ долго разсказывалъ о низости облагодѣтельствованнаго сторожа. Миша смотрѣлъ въ лицо дяди широкими немигающими глазами, а когда тотъ кончилъ, въ наступившей тишинѣ зазвенѣло страстно и вдохновенно:

— Я-ббы его-ббы взялъ за шиворотъ и самому ему въ морду-бы!..

Всѣ вздрогнули отъ неожиданности. Нина Петровна опомнилась первая:

— Мишукъ, милый, что съ тобой?

Дядя заинтересовался:

— Что? Какъ? Повтори, какъ бы ты этого мошенника?

И когда Миша, блѣднѣя отъ страстной муки возмущенія, повторилъ свою реплику, онъ, склонивъ голову на грудь и прикрывъ глаза тяжелыми вѣками, вслушался въ интонаціи племянника, а потомъ долго удовлетворенно посмѣивался, не открывая глазъ и шевеля пухлыми, непріятно бѣлыми пальцами...

Съ того вечера любимымъ развлеченіемъ Николая Игнатьевича стало демонстрировать Мишу своимъ пріятелямъ и знакомымъ.

Звалъ племянника въ кабинетъ и разсказывалъ гостю о содѣянной кѣмъ-нибудь подлости. Когда разсказъ кончался, и слушатель неопредѣленно покачивалъ головой:

— Н-да-мъ... Субъектикъ, дѣйствительно...

Миша, до той минуты пряменько и благонравно сидѣвшій на стулѣ, блѣднѣлъ, вытягивался въ струнку и весь сотрясался:

— Я-ббы его-ббы...

Гость сначала пугался, потомъ съ любопытствомъ вглядывался въ горящіе подвижническимъ огнемъ глаза Миши. Дядя посмѣивался:

— Каковъ? Хе-хе...

Реплики Миши варьировались, фантазія его работала исправно. Неизмѣнной оставалась только страстность заявленій.

Шелъ ли разговоръ о дворникѣ, утопившемъ щенятъ, Миша терзался:

— Я-бы его-бы взялъ за затылокъ и въ воду его лицомъ бы! Пусть захлебывается, мучится, какъ щенята. Не будетъ больше топить!

Говорили ли о шоферѣ, искалѣчившемъ старуху, Миша вдохновенно придумывалъ новую казнь:

— Я-бы его связалъ и на углу Невскаго и Садовой на мостовую положилъ. Пусть лежитъ, ждетъ: объѣдутъ или раздавятъ. Небось, потомъ самъ не будетъ давить. Нѣтъ!

Нѣсколько разъ Нина Петровна пыталась прекратить эту забаву.

Стискивала тонкіе, слабые пальцы и говорила мужу, прикрывая рѣсницами недобрые огоньки глазъ:

— Миша живетъ у насъ больше мѣсяца и ничуть не поправляется. Ну, къ чему вы ежедневно придумываете этихъ истязуемыхъ лошадей и искалѣченныхъ старухъ? Вамъ нравится наблюдать, какъ бѣдный мальчикъ изводится? Вы удивительно умѣете мучить, удивительно... Какой вы недобрый, тяжелый, душный человѣкъ!..

Она старалась принять насмѣшливый, независимый видъ, но голосъ ея срывался, губы страдальчески кривились.

Николай Игнатьевичъ угрюмо совѣтывалъ:

— Полѣчите нервы, Нина Петровна. Давно пора, давно...

Потомъ уходилъ, хлопая дверью, громко брюзжалъ и придирался къ прислугѣ, а Нина Петровна свертывалась въ клубочекъ на отоманкѣ и плакала...

Въ концѣ августа Аверьяновы переѣхали въ городъ, и Миша вернулся къ отцу, а черезъ двѣ недѣли послѣ этого Николай Игнатьевичъ нашелъ на столѣ у себя записку:

«Не старайтесь вернуть меня. Довольно этой пытки. Н.»

Онъ грузно опустился въ кресло и сорвалъ воротникъ съ налившейся кровью шеи:

— Негодяйка... ушла... Съ этимъ прохвостомъ длинноволосымъ? Нѣ-ѣтъ, Нина Петровна, не такъ-то просто бросить мужа.

Онъ сидѣлъ и измышлялъ наиболѣе позорные для Нины Петровны способы вернуть ее, но понималъ въ душѣ, что вернуть ее не сможетъ, и наливался слѣпой и душной яростью противъ Викентьева. Хотѣлось излить ярость въ словахъ, а словъ не было... И вдругъ Николай Игнатьевичъ вспомнилъ о Мишѣ.

Вотъ кто поможетъ. Вотъ кто страстнымъ мучительствомъ своимъ облегчитъ его собственное мучительство.

Онъ одѣлся и поѣхалъ къ брату.

Тотъ изумился, встревожился:

— Николай, на тебѣ лица нѣтъ... Случилось что-нибудь? Нина Петровна заболѣла? Умерла?

Николай Игнатьевичъ заметался:

— Не умерла, бросила! Ее этотъ негодяй Викентьевъ сманилъ... А Миша тдѣ? Дома? Здравствуй, Миша!.. Такъ вотъ, братъ, украли у меня жену. Мазилка этотъ, щенокъ, у меня жену сманилъ. Онъ, подлецъ, все лѣто у меня нахлѣбничалъ и вотъ отблагодарилъ какъ. У Нины Петровны никогда бы рѣшимости не хватило самовольно уйти. Только и умѣла несчастной прикидываться и слезы проливать. А тутъ, видите ли, счастье, любо-овь! Хороша любовь! Будетъ онъ ее теперь гдѣ-нибудь на чердакѣ красками кормить, холстомъ отъ холода укрывать. Ахъ, негодяй какой! Правда, Миша, негодяй?

Николай Игнатьевичъ взглянулъ на Мишу и замеръ. Миша шевелилъ губами, но негодующими репликами не разражался, и выраженіе его поблѣднѣвшаго лица было какое-то новое.

Николай Игнатьевичъ не выдержалъ:

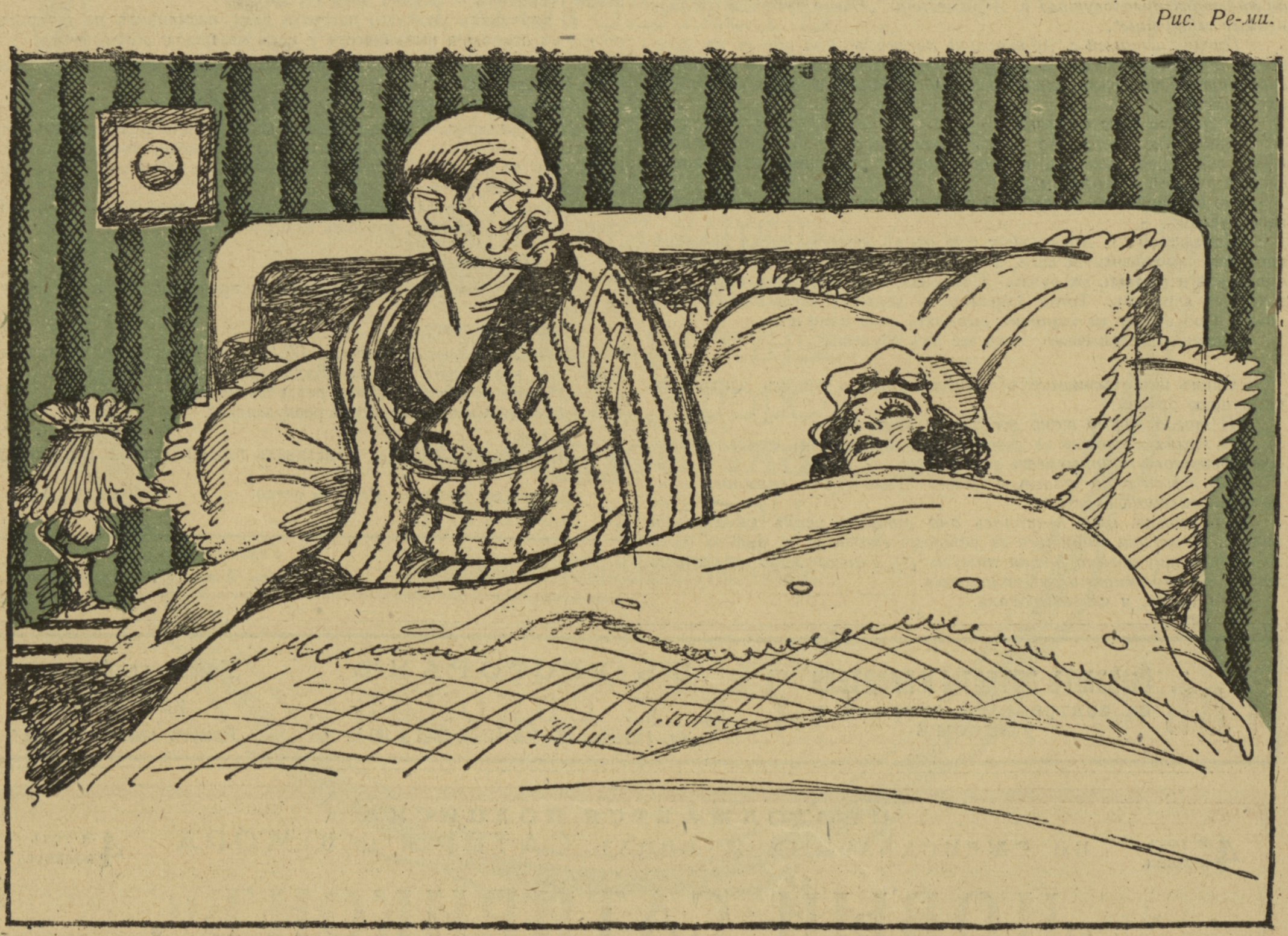
— Миша, ну! Ну, что бы ты сдѣлалъ съ этимъ прохвостомъ? Мишукъ?!

Миша сложилъ руки ладонь къ ладони, глаза его мечтательно зажглись, и въ комнатѣ зазвенѣло вдохновенно и нѣжно:

— Я бы ему въ ножки поклонился, руку бы ему поцѣловалъ... Я его теперь любить буду!..

Л. Григорьева.

Рис. Ре-ми.



ВЫКРУТИЛАСЬ.

Мужъ (будитъ жену): — Послушай!! Ты уже три раза поминала во снѣ какого-то Сашу... Кто этотъ Саша?!

Жена: — Очень просто: мнѣ приснилось — будто бы я разговаривала съ Александромъ Македонскимъ.

Рис. В. Лебедева.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Существуетъ такой журналъ:

„Веселая Панорама".

О степени ея веселья можно судить по слѣдующей остротѣ:

— *Почему ты считаешь своего Поля аристократомъ? Не потому ли, что онъ судился за кражу аристона?*

До сихъ поръ конторы погребальныхъ процессій, если не ошибаемся, не имѣли своего профессіональнаго органа.

Теперь этотъ недостатокъ восполненъ.

*

Существуетъ такой бойкій разбитной молодой человѣкъ — Н. Я. Абрамовичъ, критикъ и авторъ литературнаго памфлета „Улица современной литературы".

Существуютъ такіе мальчики съ розами, торчащіе всегда на мостахъ по дорогѣ на стрѣлку. Завидѣвъ, вдали экипажъ, они начинаютъ бѣжать рядомъ, вскакиваютъ на подножку и настойчиво предлагаютъ дамѣ, ѣдущей съ господиномъ, розы — тыча ихъ прямо въ лицо.

Н. Я. Абрамовичъ, вѣроятно, изъ этихъ же предпріимчивыхъ мальчиковъ.

Вотъ какое „письмо въ редакцію" напечаталъ журналистъ В. Унковскій въ „Журналѣ Журналовъ":

Мѣсяца два тому назадъ я выписалъ у Н. Я. Абрамовича его литературный памфлетъ „Улица современной литературы".

И получилъ таковой по почтѣ черезъ двѣ недѣли.

На-дняхъ почтальонъ снова приноситъ мнѣ повѣстку на наложенный платежъ и вручаетъ наглухо запечатанный конвертъ.

Когда я вскрылъ послѣдній, въ немъ оказался выпускъ 3-й памфлетовъ пресловутаго г. Абрамовича: „Новое время и соблазненные младенцы".

Предпріимчивый г. Абрамовичъ записалъ мой адресъ въ свое время и норовитъ, какъ я вижу, противъ всякаго моего желанія снабжать меня всѣми книжками собственнаго сочиненія по мѣрѣ ихъ выхода.

И начало уже сдѣлано.

Пикантнѣе всего, что этотъ пріемъ, достойный изобрѣтателей крема отъ угрей, пускаетъ въ ходъ авторъ „обличительной" книги „Улица русской литературы".

По сравненію съ выгребной ямой и улица покажется дѣвственнымъ лѣсомъ.

Предлагаемъ г. Абрамовичу еще одинъ способъ: гуляя по улицѣ наступать прохожимъ на ноги, а когда прохожій обругаетъ за это — обидѣться и вызвать на дуэль. Прохожій, конечно, дастъ свою карточку съ адресомъ. Тогда Абрамовичъ долженъ поспѣшно бѣжать домой и по адресу на карточкѣ высылать свои памфлеты.

Иначе, дѣйствительно: какъ же ихъ сбудешь?

*

Одинъ изъ лукоморскихъ авторовъ рѣшилъ описать психологію плывущаго бревна:

И тогда точно такъ же плылъ лѣсъ.

И тогда я сидѣлъ въ своей башнѣ и считалъ, сколько мокрыхъ стволовъ проплываетъ за минуту.

Но тогда одно толстое бревно безнадежно зарылось концомъ въ выступъ берега.

Я глядѣлъ, какъ пыталось оно отойти; какъ качалось и билось, не желая мириться съ удѣломъ стоянія; я душою былъ съ нимъ и, внутренно дѣлая потуги (?), словно могъ облегчить этимъ безнадежность его положенія.

Наконецъ, я не выдержалъ.

Я сбѣжалъ къ рѣкѣ, ухватился рукою за старый, израненный корень и ногой оттолкнулъ толстый стволъ.

Онъ поплылъ, улыбаясь растерянной, мокрой улыбкой.

Даже бревно не выдержало: улыбнулось. Правда, растерянной, правда, мокрой улыбкой — но улыбнулось.

Эхъ, „Лукоморье", „Лукоморье"...

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА".

А. Петроградъ.

Несмѣяной-Царевнѣ. — „Съ „Сатириконом", пишетъ Несмѣяна-Царевна, — связаны у меня такія мысли и грёзы, въ которыхъ страшно признаться даже самой себѣ..."

Ахъ, какая вы, ей-Богу, право... Вѣчно скажете, что-нибудь этакое.

„Новеллы" ваши — не подошли.

С. О. К—у. — „Писать въ риѳму для меня — сущая чепуха... Если бы вы знали: какъ это чувствуется!

Бѣло-Синему. — (Сувор. пр.). Въ стихалъ этого автора много молодого задора и жизнерадостности:

„Вотъ на опушкѣ повѣшен..ый виситъ,
Вѣтерокъ его ногами шевелитъ.
Посинѣлъ, глаза вылазятъ изъ орбитъ,
Тощъ, червивъ, зловоненъ и небритъ".

Въ концѣ стихотворенія неожиданно выясняется, что этотъ висящій господинъ — родной дядя (?) автора.

О причинахъ ужаснаго поступка дяди племянникъ не говоритъ, но мы на основаніи имѣющагося у насъ матеріала, догадываемся.

Factotum'y. — „Надѣюсь, что вашъ журналъ дастъ мнѣ возможность развернуться?!."

Нѣтъ. Разворачивайтесь въ другомъ мѣстѣ.

Н. Двуляпову. — Нѣжная душа И. Двуляпова не можетъ вынести суровыхъ, жестокихъ ударовъ судьбы: „Неужели, только смѣяться можете вы въ почтовомъ ящикѣ? Неужели, не найдется у васъ ласки къ начинающему?"

Найдется. При первой же встрѣчѣ мы поцѣлуемъ васъ. Но стихи и проза, все-таки, совсѣмъ нехороши.

Б. Провинція.

Кіевъ. — Увесуг. — „Надѣюсь, мои произведенія сами говорятъ за себя".

Плохо они говорятъ.

Безъ города. — Дымчаку. — (О. С.). Всѣ ваши герои занимаются тѣмъ, что раздуваютъ ноздри. Будто другихъ дѣлъ у нихъ нѣтъ:

„Ирочка говорила, гнѣвно раздувая ноздри".

„Ноздри Славина страстно раздувались".

И даже:

„Караковый „Лезгинъ" помахивалъ гордой головой и раздувалъ ноздрями".

Ноздри не талантъ. Раздуть легко.

Ave.

Редакторъ **А. Т. Аверченко.**
Издатель **Т-во „Н. Сатириконъ".**

Гдѣ бываютъ артисты и писатели за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ **?**

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 11 час.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
4-й годъ изданія. на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА 4-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ".

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) **6** руб. **80** коп., съ пересылкой и доставкой **8** руб., на полгода **4** руб., на 3 мѣс. **2** руб., на 1 мѣс. **70** коп.

Адресъ конторы и редакціи: **Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.**

ПОСТАВЩИКЪ ВЕЛИЧЕСТВА
ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО

Т-ВО

ТРЕУГОЛЬНИКЪ

ИЗГОТОВЛЯЕТЪ
ДЛЯ НУЖДЪ ЛАЗАРЕТОВЪ И БОЛЬНИЦЪ ВСЬ НЕОБХОДИМЫЯ ХИРУРГИЧЕСКІЯ И ДР. ИЗДѢЛІЯ ИЗЪ РЕЗИНЫ, ЭБОНИТА, ПРОРЕЗИНОННОЙ МАТЕРІИ И ПРОЧ.

Петроградъ
Екатерин. кан. 34

Типо-литографія Акц. О-ва „Просвѣщеніе". Петроградъ, Забалканскій пр., д. 75.

Петроградъ Дозволено военной цензурой. 4 октября 1916 г.

СТРАДАНІЯ МОЛОДОГО ВЕРТЕРА

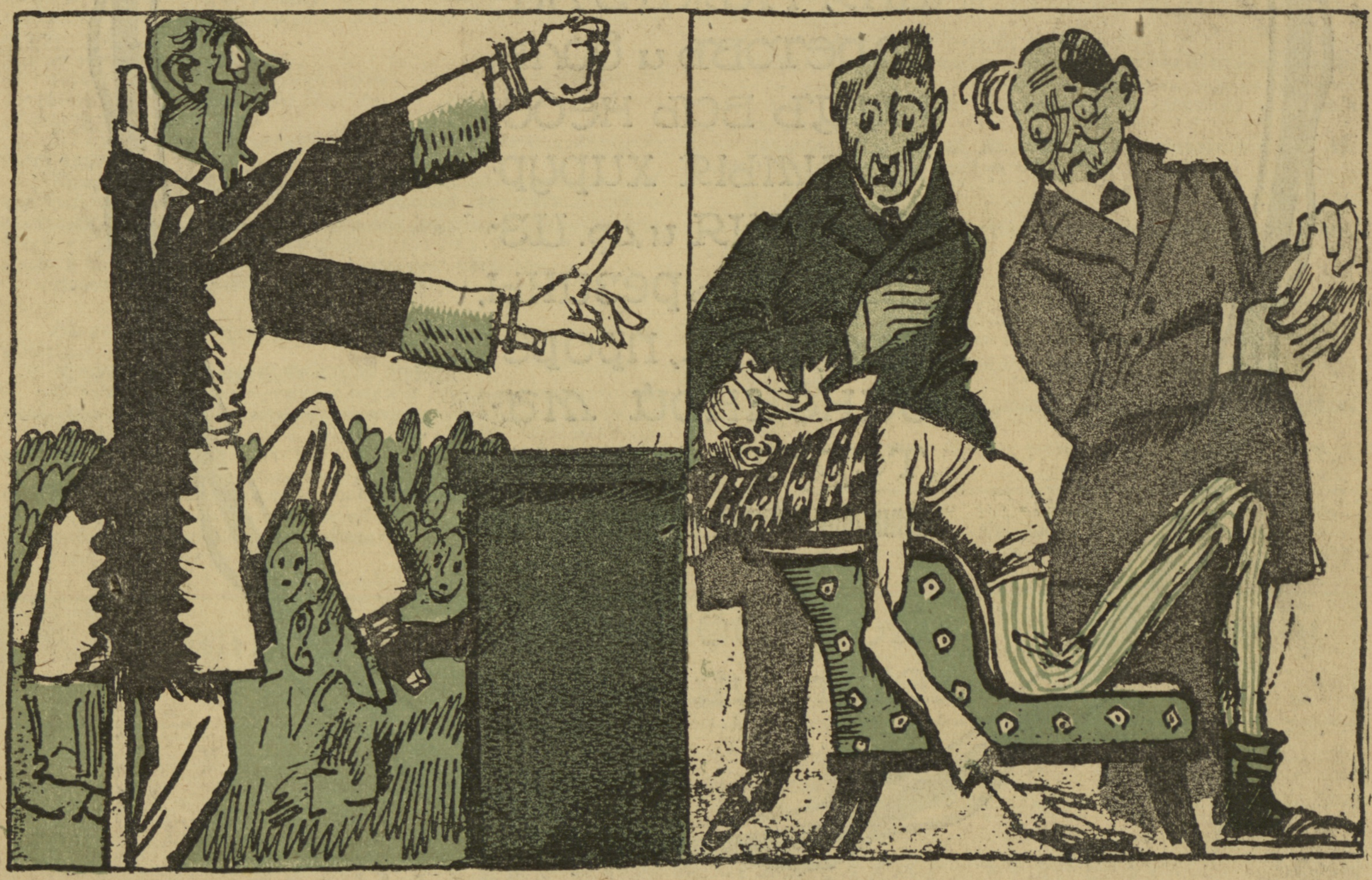
или

БЕТМАНЪ-ГОЛЬВЕГЪ ПРОИЗНОСИТЪ ВЪ РЕЙХСТАГѢ РѢЧЬ.

Рис. А. Радакова.

1) Обдумываетъ.

2) Готовится къ выступленію.



3) Рѣчь.

4) Дома, послѣ рѣчи.